Людмила Улицкая

Мой внук Вениамин

Русское варенье и другое (пьесы)

Людмила Улицкая

Мой внук Вениамин

«Издательство АСТ»
2008

Улицкая Л. Е.

Мой внук Вениамин / Л. Е. Улицкая — «Издательство АСТ», 2008 — (Русское варенье и другое (пьесы))

*НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ УЛИЦКОЙ ЛЮДМИЛОЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА УЛИЦКОЙ ЛЮДМИЛЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ.

© Улицкая Л. Е., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Действие первое 6
Картина первая 6
Картина втора 9
Картина третья 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Людмила Улицкая
Мой внук Вениамин
пьеса в двух действиях

Автор представляет действующих лиц:

ЭСФИРЬ ЛЬВОВНА, под семьдесят, портниха.

«Жестоковыйный народ» – сказано про ее породу. Темперамент полководца, вдохновение, артистизм. Убеждена, что ей дано нечто, в чем отказано всем остальным. Самопожертвованию ее нет границ. Деспотизму – тоже. Автора при столкновении с нею не раз душили порывы с трудом сдерживаемой ярости. И восхищения – тоже. Она – последняя местечковая еврейка.

ЕЛИЗАВЕТА ЯКОВЛЕВНА, под семьдесят.

Двоюродная сестра Эсфири Львовны. Бездетная акушерка. Кто не понимает – объясню: это умирающий от жажды разносчик воды. Жертва ее отвергнута. Когда такой человек обижен и оскорблен, он становится Каином. Когда смирен и тих – Елизаветой Яковлевной.

СОНЕЧКА, восемнадцать.

Огромные светлые глаза овцы. Овца. Овечка. Идет, куда ведут. Послушна и кротка. Между добром и злом едва ли различает. Обижать таких стыдно и скучно. Она – сосуд. Личности в ней почти нет.

ВИТЯ, восемнадцать.

Проходит действительную службу в рядах Советской Армии. Аккуратен, исполнителен. Член комитета ВЛКСМ, выполняет отдельные поручения. Имеет спортивные разряды по лыжам и стрелковому спорту. Проявил себя как хороший товарищ и принципиальный человек. Политически грамотен, морально устойчив.

Действие первое

Картина первая

На кухне у Эсфири Львовны. Она хлопает дверцей холодильника, достает баночки, перекладывает еду, что-то протирает, подставляет Елизавете Яковлевне всё новые и новые угощения.

ЭСФИРЬ. Кушай, Лиза, кушай! Ты кушай, а я буду рассказывать. Я люблю, чтобы было красиво! Ты спросишь, откуда у меня это? Не знаю. Люблю. Чтоб было много тарелок, и салфетки, и все как надо. Кушай, Лиза, кушай. Возьми салат. Я тебе расскажу нечто! Ты удивишься!*(Пауза.)* Я была в Бобруйске!

Елизавета Яковлевна замирает в изумлении, подняв вилку в воздух.

Да, представь себе, я была в Бобруйске!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь, Фира?

ЭСФИРЬ. Да, представь себе! Я была в Бобруйске!

ЕЛИЗАВЕТА. Я бы никогда не решилась… нет!

ЭСФИРЬ. Начнем с того, что это совсем другой город. Совсем другой. В нем ничего, ничего не осталось. Другие дома, другие люди. Все совсем другое. Правда, потом я поехала в Гулёвку. А вот там совсем другое дело, там остался костел, и дом дяди Якова. Помнишь, аптека была сбоку пристроена? Это сохранилось. В доме какая-то контора. И река течет, как раньше. Что ей сделается? Только мост новый. Еврейское кладбище разрушено. Помнишь, какие были красивые памятники – ничего не осталось. Эти гады, эти сволочи всё порушили. Над рекой, где была дача Лиховецкого, там теперь дом отдыха. Там я нашла кусок от большого каменного мраморного надгробья. «Год пять тысяч пятьсот сорок третий. Шаул Винавер» – это сохранилось, а от имени только одна буква «шин». Значит, конца восемнадцатого века могила, наших Винаверов предок. На этом надгробье две девочки сидели, кукол переодевали. Ну, думаю, и пусть сидят. Лавочек-то нет.

ЕЛИЗАВЕТА. Только ты на это способна, только ты! Я бы ни за что в Бобруйск не поехала!

ЭСФИРЬ. А тебе зачем? У меня дело было. Да, дело, не смотри на меня так. Кушай, кушай, что ты так просто сидишь? Ну что же ты не спрашиваешь, какое дело?

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, ты мне сама расскажешь.

ЭСФИРЬ. Так вот, я приехала в Бобруйск. Огромный вокзал, просто огромный, ты себе представить не можешь. И, между прочим, город тоже стал очень большой, раз в десять, наверное, больше, чем до войны. А посреди вокзала – ларек, книжный там, я знаю? Я хочу взять открытки. И кто в ларьке? Лиза, кто в ларьке? Маруся Пузакова! Ты думаешь, я ее узнала? Ничего подобного! Я даю ей рубль, хочу взять открытки, и вдруг она кричит на весь вокзал: «Фира! Фира! Живая!» Тут уж я ее узнала, и мы заплакали, и закрыли ларек, и пошли к ней домой. Ты помнишь Марусю Пузакову?

Елизавета кивает.

У меня был двоюродный брат, Сёма, так этот Сёма…

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, что ты мне рассказываешь про Сёму? Мне-то Сёма был родным братом!

ЭСФИРЬ. Ну да, конечно, конечно. Так вот, этот Сёма…

Елизавета начинает тихо плакать, утирая глаза.

…У него с Марусей Пузаковой была любовь…

ЕЛИЗАВЕТА*(тихо).* …Была такая любовь…

ЭСФИРЬ. И, ты помнишь, дедушка Натан не разрешил Сёме на ней жениться…

ЕЛИЗАВЕТА. Какая Маруся была красивая!

ЭСФИРЬ. Ну, не знаю, не знаю. Сейчас уж, конечно, от нее ничего не осталось. Как ты помнишь, Сёма ушел из дому. Мы с Вениамином как раз приехали в отпуск, а он как раз ушел из дома. И был такой скандал! Дедушка так кричал! А бабушка Роза плакала и посыпала себе голову пеплом!*(Сквозь смех и слезы.)* И на ней была розовая кофта, ты же помнишь, как она одевалась? Она посыпала голову пеплом и аккуратно стряхивала его с воротничка. Ой, какая она была артистка!

ЕЛИЗАВЕТА. Точно как ты!

ЭСФИРЬ. Что я! Был канун субботы, а дедушка Натан всё кричал. Мы пожили там две недели, оставили Илюшеньку и уехали. И больше уже никого никогда не видели. Это было двенадцатое июня.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, через десять дней…

ЭСФИРЬ. Будь оно проклято, это двадцать второе июня!

ЕЛИЗАВЕТА. А Сёма погиб на фронте. Расписался с Марусей, и они поехали в Одессу, и оттуда он ушел на фронт. И все погибли, все. И Винаверы, и Брауде, и Ехелевичи. Никого не осталось. Только мы с тобой, Фира. А что мы?

ЭСФИРЬ. Ты забываешь, Лиза! У нас есть Лёва! У меня есть сын Лёва. И это самое главное! Так вот, слушай меня, Лиза! Все погибли. Все наши погибли – но мы-то с тобой остались! И я решила проверить, – а может, погибли не все? Ты же помнишь, наши две улицы всегда женились между собой: Ехелевичи на Литваках, Винаверы на Брауде. И я решила: пусть Лёва женится на девушке из этих фамилий! Да!

Звучит еврейская свадебная музыка.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, ты сошла с ума!

ЭСФИРЬ. Почему я сошла с ума?

ЕЛИЗАВЕТА. Лева женится на ком захочет. Как это можно ему указывать в таком вопросе? В наше время?

ЭСФИРЬ. А что, уже настало время, когда можно не слушаться родителей?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, тебя не переговоришь!

ЭСФИРЬ. Так вот – мой сын пока что еще меня слушает. И он женится, как я ему скажу.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну ладно, ладно. Ты нашла ему невесту?

ЭСФИРЬ*(торжественно).* Да, я нашла ему невесту в городе Бобруйске! Еврейскую девушку из семьи Винаверов! И когда я на берегу увидела это надгробье, я сразу поняла, что это знак! Что в городе есть девушка из семьи Винаверов!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь!

ЭСФИРЬ. И какая девушка! Какая девушка!*(Машет руками, как будто мух гоняет, сквозь слезы.)* Лиза, она настоящий ангел. Нет, не ангел. Она Рахиль, вот кто она. Маленькая, светленькая, и такие глаза, как будто сам Бог смотрит, вот что я тебе скажу. Дочь Симы Винавер.

ЕЛИЗАВЕТА. Сима – это кто?

ЭСФИРЬ. Дочь Гирша-портного. Ее спасли.

ЕЛИЗАВЕТА. А, помню Гирша, рыжий, худой, на углу они жили.

ЭСФИРЬ. Симу укрыла соседка, Коноплянникова Клавдия Федоровна. Праведница. Настоящая праведница. Ей воздастся. Не помнишь? Они когда-то были богатыми. Извоз у них

был, ну, потом, конечно, уже ничего не было. Ты представляешь, Клавдия Федоровна до сих пор жива. А Сима умерла полгода назад от рака.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Пол-улицы было Винаверов, и чтоб осталась одна Сима!

ЭСФИРЬ. Ты что, оглохла? Я же тебе говорю, Сима тоже умерла. Но сначала она родила дочку! Она родила жену для Лёвы, вот что она сделала!*(Пауза.)* Конечно, она рано умерла, ей было всего пятьдесят лет. Жила одна, с дочкой, без мужа.

Музыку преподавала и, видно, туго ей приходилось. Я навела справки и пришла сначала к Коноплянниковой Клавдии Федоровне. Ей лет девяносто, она почти ничего не видит. Дай ей Бог здоровья! Потом пошла к Сонечке. И вот Сонечка сама открывает мне дверь!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты ее привезла?

ЭСФИРЬ. Нет, Лиза. Ты же знаешь, все Винаверы очень порядочные люди. Сонечка работает воспитательницей в детском садике, и она не может уехать, пока не найдут замену. Я, конечно, ей сказала, чтобы она взяла отпуск, но отпуск она пока брать не может, она там только пять месяцев работает. Но она сказала, что приедет, как только найдется ей замена.

ЕЛИЗАВЕТА. И что же, она сразу согласилась выйти за Лёву?

ЭСФИРЬ. Ты что, Лиза, совсем сумасшедшая? Мишугене, ей-Богу! Кто же ей это предлагал? Она приедет, увидит его, и зачем это я буду забегать вперед?

ЕЛИЗАВЕТА. А вдруг он ей не понравится?

ЭСФИРЬ. Кто? Лёва? Как это он может не понравиться? Он такой остроумный, и красивый, и кандидат физико-математических наук, и на пианино играет. Ну, что ей еще нужно, я тебя спрашиваю?

ЕЛИЗАВЕТА. Вообще, конечно, да. Наш Лёва действительно…

ЭСФИРЬ. А я что говорю? И честно тебе скажу, я уже почти забыла, как делается старинная русская гладь и атласное шитье… Я одену ее как куколку – и с каким удовольствием!

Картина втора

В квартире Елизаветы Яковлевны. Перед накрытым столом сидит Эсфирь Львовна. Она сияет седой стриженой головой. Одета с отменным вкусом. Торжественна.

ЭСФИРЬ. Ну что ты так сидишь, как лимон проглотила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ай, не хочу тебе говорить…

ЭСФИРЬ. Не хочешь, не говори. Очень мне нужно знать, в каком месте у твоей Анастасии болит.

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, Фира. Здесь Анастасия Николаевна ни при чем.

ЭСФИРЬ. Ну, значит, в роддоме у тебя что-то приключилось… Что там у тебя?

ЕЛИЗАВЕТА. Вчера ребенка потеряли. Из-за этих проклятых протезов.

ЭСФИРЬ. Что ты мелешь? Из-за каких протезов?

ЕЛИЗАВЕТА. Я делаю новые зубы. И вчера у меня была примерка, утром. Мне пришлось поменяться с Федоровой, и я вышла в другую смену.

А моя теперешняя смена – это ужас! Валечка Рыжова в отпуске, а эти молодые не умеют работать. И не хотят! Я как чувствовала – что-нибудь у них случится! Они потеряли ребенка!

ЭСФИРЬ. Что ты так убиваешься, Лиза? И раньше рождались мертвые дети, и довольно-таки часто, это теперь стало редко, а раньше сплошь и рядом…

ЕЛИЗАВЕТА. Этот ребенок был хороший здоровый мальчик. Они не справились с пуповиной, было двойное обвитие. Такая красивая женщина, татарка или туркменка, молодая. Первые роды. Первенца потеряла.

ЭСФИРЬ. Молодая, еще родит.

ЕЛИЗАВЕТА. Этого ребенка больше никто не родит.

ЭСФИРЬ. А ты что там, одна работаешь, что ли? А куда смотрят ваши врачи? Кроме тебя некому принять?

ЕЛИЗАВЕТА. Я же тебе говорю – плохая смена. Совсем молодые девочки, не понимают, что такое акушерка. Акушерка должна сама каждый раз родить вместе с роженицей. А это трудно. Когда принимаешь роды, чтобы женщина не порвалась, чтобы ребенок не измучился, ты всё время держишь их в руках. У меня же руки как у хорошего мужика.*(Поднимает руки.)* Это тяжелая работа, Фира.

ЭСФИРЬ. Что ты хвалишься? Где ты видела легкую работу? Может, ты думаешь, у меня легкая работа?

ЕЛИЗАВЕТА. Что ты, что ты, Фирочка! Я очень хорошо знаю, что за каторга это портняжное дело! То, что можешь ты, этого никто не может!

ЭСФИРЬ. Конечно! Мне тоже иногда кажется, что я таки кое-что могу! Ты помнишь, Лиза, когда приехала Сонечка?

ЕЛИЗАВЕТА. Кажется, недели две тому назад?

ЭСФИРЬ. Вот именно, ровно две недели тому назад! И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту заявку… заявление… да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! А помнишь, что ты говорила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну что, Фира, я могу сказать? Не зря же дедушка Натан звал тебя «царь Соломон в юбке»! Я просто поражена! Анастасия Николаевна, между прочим, тоже очень высоко тебя ценит Она так и говорит: «Лизочка, ваша Фира – это не человек, это явление!»

ЭСФИРЬ. Явление?

ЕЛИЗАВЕТА. Да, да. Не человек, а явление! Но ты скажи про Лёву. Как он?

ЭСФИРЬ. А как он? Он таких девочек в жизни не видел! Я же знаю его контингент! Это что-то особенное!

ЕЛИЗАВЕТА. Но ты говорила, что эта его последняя была интересная.

ЭСФИРЬ. Ну и что? Лёве тридцать четыре года. Она говорила, что ей тридцать пять, а на деле ей сорок. И пусть она выглядит хоть на двадцать пять, но когда женщине под пятьдесят, ей уже нечего делать с молодыми людьми.

ЕЛИЗАВЕТА. Бог с ней! Расскажи, как он вдруг ни с того ни с сего сделал Сонечке предложение?

ЭСФИРЬ. Очень просто. Я привезла ее с вокзала, заранее Леву не предупреждала. Он пришел вечером, я ей говорю: «Сонечка, пойди, открой дверь». Она ему открыла. Потом мы поужинали. Я приготовила фаршированную рыбу и бульон с кнейдлах. Потом мы посмотрели телевизор, и я отправила ее спать. А ему я сказала: «Ты понял, Лёва, кто это?» Он таки не дурак, он понял сразу и говорит мне: «Я должен подумать!» А я ему так спокойно: «Конечно, думай, от этого еще никто не умирал. У тебя что, много было таких девочек? Золото, а не девочка! А характер! Уж в чем, в чем, а в характерах я понимаю! И, между прочим, тоже на пианино играет! Сима ее обучила. Винаверы – очень музыкальная семья». Он мне говорит: «Мама, она очень молоденькая!» – «И тебе это плохо? Тебе надо обязательно старуху, и чтобы она считала уравнения!»

Больше он мне ничего не сказал. Молчит. И я молчу. Ты же знаешь, я не только говорить – молчать я тоже умею. Покойный Вениамин всегда говорил: «Пока Фира говорит, это еще полбеды, вот когда она молчит – это беда!»

ЕЛИЗАВЕТА. Это я помню. А Лёва? Что Лёва?

ЭСФИРЬ. Мне он молчал. Ходил с Сонечкой два раза в театр, я хорошие билеты два раза купила, ходили в кино. Он повел ее на концерт, между прочим, сам билеты купил, по собственной инициативе. Вчера я ему говорю: «Лёвочка, завтра вторник. Ты уже должен сделать девочке предложение, а то она будет думать Бог знает что».

ЕЛИЗАВЕТА. И что?

ЭСФИРЬ*(смотрит на часы).* Они пошли подавать. Я не понимаю, почему так долго. Или там тоже очереди? А после заявки они придут сюда.

ЕЛИЗАВЕТА. Как – ко мне? Почему же ты меня не предупредила?

ЭСФИРЬ. А что, у тебя не найдется в доме чашки чая?

Звонок в дверь. Входит Сонечка. Она одна. Эсфирь Львовна ее целует.

СОНЕЧКА. Здравствуйте!

ЭСФИРЬ. Ну, подали?

Сонечка кивает.

В добрый час!

ЕЛИЗАВЕТА. Поздравляю тебя, деточка!

ЭСФИРЬ. А где Лёва?

СОНЕЧКА. Он просил извинить, ему нужно было срочно в институт, какие-то документы оформлять, он оттуда позвонит вам.

ЭСФИРЬ. То есть как – он сюда не придет?

СОНЕЧКА. Нет, он сказал, что завтра улетает в командировку в Новосибирск и ему документы надо оформить.

ЭСФИРЬ. Что за новости! А я ничего не знаю!

СОНЕЧКА. А Лёва вчера и сам не знал. Ему сегодня сказали. Сазонов сказал.

ЭСФИРЬ. А-а… Сазонов! А на когда назначили?

СОНЕЧКА. На девятое января.

ЭСФИРЬ. Как, через два месяца? Так долго ждать?

СОНЕЧКА. Да.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну хорошо, садитесь за стол. Сколько можно разговаривать?*(Снимает фартук.)*

ЭСФИРЬ*(смотрит на ее блузку).* Боже! Кто тебе это пошил? Первый раз вижу, чтобы бейку делали по долевой! По косой, по косой ее делают!

ЕЛИЗАВЕТА*(смеется).* А мне всё равно, хоть по косой, хоть по кривой! Сонечка, попроси свою свекровь, чтобы она тебя никогда не учила шить. Она тебя замучает!

СОНЕЧКА. Да? А меня Эсфирь Львовна уже учит. Мне очень нравится.

ЭСФИРЬ. Не все же такие безрукие как ты, Лиза. У нас в Бобруйске, Сонечка, испокон веку все евреи были портные. Сплошь портные. И твой дедушка Гирш был портной. А наша бабушка Роза училась в Варшаве в женском ремесленном училище. Она была лучшая мастерица в городе. Она всё знала – золотошвейное дело и белошвейное. А дедушка Натан – он был фрачник. Он ничего не умел – только фраки. Но какие фраки!

ЕЛИЗАВЕТА. Расскажи про медаль, Фира.

ЭСФИРЬ. Спасибо, а то бы я забыла! Так вот, дедушка Натан шил фраки, и его фрак на Всемирной выставке в Париже получил серебряную медаль. Понимаешь, фрак из Бобруйска получил в Париже серебряную медаль! Когда дедушке сообщили, он очень удивился: почему не золотую? А дальше дело было так: чтобы получить эту медаль, надо было прислать лекала – выкройки, значит, и расчеты!*(Смеется.)* Это анекдот! Дело в том, что дедушка никогда не имел выкроек. Больше того, он снимал мерку тремя веревочками. Он даже никогда ничего не записывал, делал на веревочке узелки, и этого ему было достаточно. И фраки его сидели так, что люди приезжали из Минска и даже из Вильно.

СОНЕЧКА. А медаль?

ЭСФИРЬ. Он ее не получил. Потому что не умел делать эти расчеты. А что толку? Я умею. Но фрак пошить никогда в жизни не возьмусь.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, неужели ты не можешь пошить фрак? Ты же все можешь!

ЭСФИРЬ. Фрак не могу. Шляпки, скорняжное дело – это пожалуйста. Больше того, я даже могу шить обувь, мне приходилось. Когда имеешь хорошие колодки, это не такое уж сложное дело. Но фрак – нет!

ЕЛИЗАВЕТА. А меня в детстве учили, учили, и из меня совершенно ничего не вышло. Про меня бабушка Роза так и говорила: а эта будет строчить на машинке. Хуже ругательства у нее не было!

СОНЕЧКА. То есть как?

ЕЛИЗАВЕТА. Только на руках! Она никаких машинок не признавала. И она чудеса выделывала!

Сейчас я покажу!*(Лезет в шкаф, достает старуютряпку, разглаживает.)* Вот, Сонечка, посмотри, это подкладка от маминого пальто. Бабушка Роза сшила это пальто, когда мама выходила замуж за папу. Мама была ее любимая невестка. Вот, она сшила пальто и вышила подкладку незабудками. У нее был вкус! *(Расправляет ткань.)* Она была настоящий художник! Всё выцвело. На таком бледно-оливковом фоне – незабудки с лепестками, это просто необыкновенно. Мама мне подарила это пальто в день моего шестнадцатилетия. Оно было совсем как новенькое. И, между прочим, Сонечка, Фира была единственная из всех внучек, кто унаследовал ее талант.

ЭСФИРЬ. Да, это так.

ЕЛИЗАВЕТА. И характер – тоже!*(Смотрит на Эсфирь заговорщицки.)* Если бабушке Розе что-нибудь втемяшится – из-под земли достанет!

Картина третья

Эсфирь Львовна и Сонечка идут домой. Эсфирь Львовна с палкой, Сонечка поддерживает Эсфирь Львовну под локоть.

ЭСФИРЬ. У дедушки Натана и бабушки Розы была одна дочь, моя мама, и шестеро сыновей: Арон, Исаак, Саул, Лейб… и как его звали… Рувим… и Яков. Следишь за моей мыслью?

Соня кивает.

Все вымерли, кроме моей мамы и Якова. Моя мама потом тоже умерла. От бабушки Розы дети получали красоту и туберкулез. У нас всегда умирали от туберкулеза. Якову бабушка нашла невесту. Она была вдова. Хоть и богатая, но совсем никудышная.*(Шепотом.)* Первым браком она была за купцом первой гильдии! Ничего не понимала в хозяйстве, в этом смысле Лиза вся в мать. Все свои деньги профукала. А что не профукала, то отобрали после революции. Но бабушка Роза все же была права, что выбрала Якову эту вдову. А та родила ему двойню. Правда, не сразу, лет через десять. Это были Лиза и Сёма – он потом погиб на фронте. Следишь за моей мыслью?

СОНЕЧКА. Да, я только не поняла, тетя Лиза – по матери Брауде?

ЭСФИРЬ. Ты ничего не поняла. Я скажу Лёве, чтобы он тебе нарисовал нашу родословную.

СОНЕЧКА. Генеалогическое дерево, как у королей?

ЭСФИРЬ. А что ты улыбаешься? Разве ты не знаешь, что мы произошли по прямой линии от Адама?

СОНЕЧКА*(изумленно).* Кто? Брауде? Ехелевичи?

ЭСФИРЬ. Да. И Винаверы тоже. Так что мы – самый древний человеческий род.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.